

УДК 17, 378

Не-алиби на лопате цифровизации*

Аннотация. Статья содержит попытку обобщения этических факторов форсированного перехода высшего образования в цифровой формат. Главное внимание уделено самоопределению профессионального сообщества преподавателей высшей школы. Как представляется, главные усилия такого самоопределения могут быть направлены на институционализацию гуманитарной экспертизы. Форсированная цифровизация при отсутствии такой экспертизы ставит под удар интересы как студентов, так и преподавателей. Если за рубежом такие тенденции уже проявляются, то в России профессура пребывает в исключительно претерпевающем состоянии.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, ответственность, профессура, университет, цифровизация, этика.

Название данного текста отсылает к известной сказке про Терешечку, похищенной коварной ведьмой, которая поручила своей дочке зажарить Терешечку в печке. Терешечка растопырился и никак не пролезал в печку. А когда ведьмина дочка решила показать ему – как надо сворачиваться на лопате калачиком, Терешечка отправил ее саму в печку. Сюжет этот возник в памяти в связи с нынешней форсированной цифровизацией, радикально меняющей на глазах все сферы социальной жизни, включая образование. Коронавирусная пандемия, переход на удаленный режим работы придали этому процессу дополнительное ускорение, что позволяет уже сейчас видеть наметившиеся перспективы. Даже если отвлечься от поднявшейся волны алармизма, переходящего в хорроризацию человеческого будущего, некоторые перспективы выглядят весьма неоднозначно.

Цифровизация – великое достижение цивилизации, обеспечивающая потрясающий уровень новых возможностей в науке, бизнесе, государственном управлении, жизненного комфорта. Но, как и у любого достижения цивилизации, у нее есть последствия, нуждающиеся в серьезном осмыслении. Тем более, если речь идет о таком институте, как высшее образование, обеспечивающем социализацию наиболее продвинутой части общества: ее воспроизводство и выведе-

* Исследование выполнено в рамках гранта РНФ №18-18-00442 «Механизмы смыслообразования и текстуализации в социальных нарративных и перформативных дискурсах и практиках».

дение на фронтир дальнейшего развития.

Ранее на страницах «Ведомостей прикладной этики» уже была предложена попытка систематизации негативных следствий и возможностей высшей школы в контексте цифровизации [3]. Это и новая антропология, как «новая животность», когда от человека требуются не рассуждения и рефлексия, а оперативная реакция по запуску «правильных опций». Это и вымывание живого общения, обсуждений, дискуссий, модераторами чего и выступают преподаватели. А значит, и вымывание социальной функции университета как системы воспроизводства «грибницы» поколений профессиональных сообществ. Для освоения пользования опциями, реализующими заранее кем-то разработанные алгоритмы, необходимости в университетах просто нет.

За всем этим стоит редукция знания к информации, данным и работе с ними. Буквально информация, как – мера разнообразия, формализуемая в двоичных кодах, легко переводится в цифровые форматы, алгоритмы, соответствующее программное обеспечение. Между тем, знание – это не просто информация, а информация осмысленная – всегда в каком-то ценностно-целевом контексте, который достаточно динамичен, пластичен и однозначному программированию полностью не доступен. А претензии на такое программирование выглядят сомнительными, по ряду соображений – от когнитивных и морально-этических до политических, – которые и создают основную фон упомянутых алармистских дискуссий.

Спасибо редакции «Ведомостей прикладной этики» за организацию данного обсуждения. В этой ситуации, в достаточно острой форме, возникает вопрос о самоопределении этоса университетской профессуры. У нас на глазах разворачивается сюжет этой драмы. Какие-то университеты объявляют себя разработчиками контента онлайн-образования, призывая других принять роль трансляторов этого контента. И находят понимание и отклик. Кто-то продолжает заниматься наукой, пытается организовывать и проводить реальные исследования, доводить их до научного сообщества. А кто-то принимает предложенную ежедневной рассылкой подготовку статей, научных трудов любой сложности, которые индексируются в наиболее престижных базах цитирования Scopus & WoS. Более того – даже с гарантиями перевода, успешной и быстрой публикации, а также «важнейшего фактора – хорошего цитирования после публикации». И все это – не могу удержаться от цитирования очередного такого предложения, – «учитывая сложную ситуацию», «за максимально приемлемые цены, которые фиксируем и тем самым даем возможность сделать процесс публикации гораздо приемлемей и легче: Q1

– 700-800\$, Q2 – 600-700\$, Q3 – 400-500\$, Q4 – 300-400\$. При публикации Q1-2 повышение цитирования входит в стоимость, срок сопровождения – 3 месяца». И кому-то такие предложения нравятся.

В СМИ и социальных сетях бушует шторм квалифицированных – и не очень – политически ангажированных и претендующих на нейтральность мнений относительно происходящего в высшей школе. Так, по мнению ректора Высшей школы экономики Я.И.Кузьмина [1], новые технологии сделают образование распределенным и не формальным, утратившим академичность, место которой займут цифровые интерактивные комплексы, инвестируемые IT-корпорации, такие как Сбербанк, Yandex, Mail.ru Group, 1С. Сотрут границы между традиционным университетом и системой непрерывного образования, массовых открытых онлайн-курсов типа глобальных платформ Coursera, MOOC. По мнению уважаемого ректора, пандемия помогла преодолеть сопротивление «традиционалистов», игнорировавших эти эффективные методы. И, по выходу из кризиса, высшее образование уже не вернется к привычной практике лекций, форма которых не менялась уже пять столетий и надоела студентам. Тогда как онлайн-курс мобилизует и концентрирует внимание в большей степени и за короткий период, позволяя выбирать необходимое в более удобное время. Место учебных аудиторий займут виртуальные коворкинги, а реальные кампусы превратятся преимущественно в рекреативные зоны.

Казалось бы – райские условия для студентов. Между тем реакция студенчества на новые технологии уже свидетельствует о настороженности и даже неприятии непродуманного их внедрения.

Исследования, проведенные специалистами Массачусетского технологического института, показали, что еще до пандемии COVID-19 образовательные платформы типа MOOC столкнулись с ограничениями применения. Первоначальный интерес потребителей оказывался неоправданным, большой процент начавших обучения часто покидает ресурсы, и доля людей, до конца проходящих такие курсы, не просто мала, но с течением времени, несмотря на активные инвестиции, всё уменьшается. Не на пользу делу оказывается и конкуренция производителей таких онлайн-услуг [7]. В результате начался встречный процесс – те же разрекламированные платформы стали транслировать традиционные образовательные программы. С приходом пандемии такая практика была перехвачена более удобными и доступными ресурсами вроде Zoom'a.

Однако и здесь возникли проблемы, похоже, уже существенные для дистанционного образования в целом. Оказалось, что в дистанционном режиме американским студентам труднее войти в учебный

процесс и ориентироваться в нем. Их угнетает чувство изоляции. В результате, они оказываются недовольны получаемым таким путём образованием, в целом менее удовлетворены им самим, к тому же результаты прохождения образовательных программ по итогам аттестации оказываются хуже, чем при очном обучении [5].

С аналогичными проблемами столкнулись и российские университеты при форсированном переходе «на удаленку» в условиях карантина. От студентов-«платников» стали поступать жалобы и требования снизить плату за обучение, получаемое с экранов компьютерных мониторов на съемных квартирах, и оказавшееся на порядок хуже чем то, которое они получали или могли бы получить в университетских аудиториях и лабораториях, общаясь с преподавателями и другими студентами. Правда, до судебных исков к университетам, в отличие от США, у нас дело пока не дошло.

Вряд ли способствует качеству образования и упование адептов цифровизации и дистантности образования на сокращение количества преподавателей. Именно тот факт, что при такой практике в американском Университете Джорджа Вашингтона на 220 аспирантов-инженеров пришлось всего 2 штатных преподавателя, и послужил поводом судебного иска [6]. Очевидно, что такая «оптимизация» чревата серьезными издержками качества подготовки. И какую роль в этой ситуации играют преподаватели? Они поставщики, трансляторы данных и алгоритмов их обработки? Но и это делают цифровые программы. И преподаватель в этом случае сам превращается в некую опцию – придаток к алгоритму.

Другой разговор, что за этой форсируемой, не обсуждаемой и не экспертируемой трансформацией может стоять мотивация, публично выраженная на одной представительной конференции, когда крупному чиновнику был задан риторический, по мнению спрашивавшего, вопрос: «Молодежь – это ресурс или проблема?» Ответ был дан тут же: «Конечно, проблема. И для ее решения у нас есть три инструмента: университет, армия и тюрьма». При таком подходе, разумеется, запроса на подготовку и воспитание развитых, критически мыслящих специалистов нет. Нужны геймеры – пользователи упомянутых «правильных опций». И это уже наводит на вопрос об этосе социума в целом [2].

Как представляется, задача заключается в институционализации гуманитарной экспертизы последствий цифровизации образования, самой разработки новых технологий, степени их необходимости и внедрения [4]. При отсутствии такой экспертизы увлечение цифровым онлайн-форматом, форсированное, плохо продуманное, обусловленное просто возможностью реализации, ставит под удар интере-

сы как студентов, так и преподавателей. И если за рубежом, с помощью доказательных исследований, такие тенденции осознаны, то в России научно-преподавательское сообщество пребывает в состоянии исключительно претерпевающим. И если академическое сообщество уже предпринимает какие-то действия на уровне деклараций и обращений [3], то университетская профессура плывет по течению.

Похоже, современное общество, высшая школа и профессура – как ее ключевой компонент – переживают прохождение некоей «бифуркационной точки невозврата». И этот переход во многом определяется нравственно-этическим выбором, проявлением отсутствия у вменяемого человека «алиби в бытии», о котором писал и говорил М.М. Бахтин. Разум вторичен по отношению к ответственности, выступая мерой осознания ее горизонта и глубины. Наверное, логично предположить, что профессура наделена этим качеством. Дело выбора... Или, как Терешечка на лопате у ведьмы растопыриваться, не желая пролезать в печку, или самому калачиком сворачиваться...

Список литературы

1. Кузьминов Я.И. Вирусная революция: как пандемия изменит наш мир // <https://www.rbc.ru/opinions/society/27/03/2020/5e7cd7799a79471ed230b774> (Дата обращения 02.05.2020.)
2. Матвеев И. Будущее зависит от того, как о нем говорить // <https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/17/84948-buduschee-zavisit-ot-togo-kak-o-nem-govorit> (Дата обращения 02.05.2020.)
3. Рубцов А. Бунт на корабле знания // URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/02/24/823700-bunt-korable> (Дата обращения: 29.04.2020.)
4. Тульчинский Г.Л. Трансформация этоса профессуры: цифровизация как контекст кризиса // Кризис этики профессора в трансформируемом университете. Ведомости прикладной этики. Вып. 55. Тюмень: НИИ ПЭ ТИУ, 2020. С. 64-71.
5. Bambara C.S., Harbour C.P., Davies T.G., Athey S. Delicate Engagement: The Lived Experience of Community College Students Enrolled in High-Risk Online Courses // <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0091552108327187> (Дата обращения 02.05.2020.)
6. McKenzie L. Questions on Quality of Online Learning // <https://www.insidehighered.com/digital-learning/article/2017/10/18/faculty-analysis-criticizes-online-education-george-washington> (Дата обращения 02.05.2020.)
7. Reich J. and Ruipérez-Valiente J.A. The MOOC pivot // Science. 2019. Vol. 363, Issue 6423, pp. 130-131.

